

Апостол прекрасного

ВЕРНИСАЖ

«...Я хочу вечности! Смешно. Не правда ли? Уж такой я жадный сейчас до жизни, до всего живого... Как мне хочется поделиться с вами этой жаждой жизни, чтобы вы поняли все очарование жизни, ее непререкаемое, что никакие катаклизмы не могут изменить ее течения — они рьябь на воде — небольшого пространства на луже от прошедшего дождя, а жизнь — полнокровный океан, безмерный, вечный, таящий в себе чудеса (чудо, которое не снилось и мудрецам, и небу, прав мой бедный Гамлет)» — эти строки Михаил Ксенофонтович Соколов, пожалуй, самый яркий художник, которого дал Ярославль отечественному изобразительному искусству начала XX века, адресовав своей эпистолярной собеседнице Н. В. Розановой в 1947 году. В той жажде жизни — он весь.

Пожалуй, потребуется еще одна цитата для полноты наших представлений о том, кем же он был, наш знаменитый земляк. Ее автор Н. М. Тарабукин в «Материалах для биографии Михаила Соколова» пишет: «Соколов был романтик в жизни и искусстве. Искусство было его кумиром, а он его жрецом. Искусству он служил как средневековый паладин даме своего сердца... Он был апостолом прекрасного. Оно было его эстетическим кredo».

Уникальная выставка работ «апостола прекрасного» открылась в выставочных залах Ярославского художественного музея. Большинство из представленных экспонатов — из частных собраний Москвы, Петербурга, Ярославля. Многие из них редко появлялись на выставках, некоторые демонстрируются впервые.

В истории искусства Михаил Соколов сохранился как отдельная художественная «единица», ибо он сознательно «не

примыкал, не участвовал» ни к одному из многочисленных художественных объединений и братств, столь распространенных в первой половине XX века. Хотя любая творческая группировка была бы счастлива принять его в свои ряды. Он прошел через все живописные увлечения своего времени — импрессионизм, кубизм, футуризм. Именно преподавание в духе авангардных течений привело Соколова в 23-м году в Москву (провинция — Ярославль, а затем Тверь — активно противилась новым художественным формам), в мастерские ИЗО Центральной культуры. «Мы были крайние левые — «футурилы»,

делали «живописные рельефы» и прочая по положению того времени. Все это было прелекой глупостью, но все же как это было хорошо! Сколько было веры в «истину всяких измов», — напишет художник позднее.

Представленные в экспозиции работы Михаила Соколова столь разножанровы и разностильны — от графических набросков в несколько легких касаний карандаша до тщательно прорисованных, чуть ли с не с фотографической точностью проработанных портретов маслом, — что кажется, рождены они разными художниками. Особняком, отдельной груп-

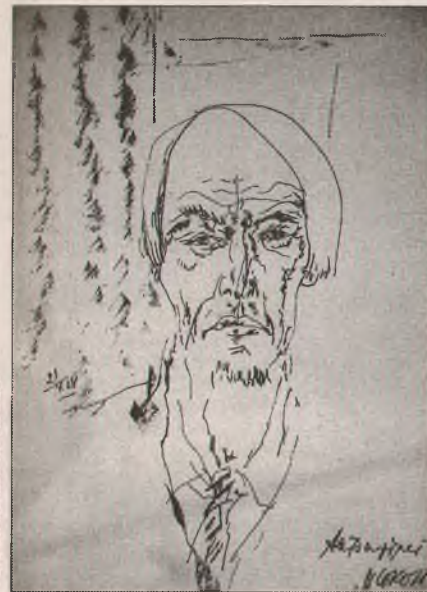

Фото Вячеслава Юрасова.

пой стоят крошечные, чуть больше спичечного коробка, акварельки.

Наследие Соколова насчитывает не одну тысячу графических и живописных работ, однако еще при жизни он многое из созданного считал утраченным. «У меня до 1923 года все, что мною создано, мною же утрачено. ...Если что сохранилось, у кого-нибудь из подаренных мною». Поразительно, что именно этот период «утраченности» представлен на выставке немалым числом неизвестных ранее графических работ. Это зарисовки петербургского периода, натюрморты и композиции со слегка кубизированной формой, изящные рисунки пером и угольным карандашом. К нашему счастью, художник был щедр на подарки своим друзьям и время сохранило эти дары.

Лариса ДРАЧ.